

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 1 (2264). Вторник, 1 января 1946 г. Цена 45 коп.

С Новым Годом, дорогие товарищи!

Год побед!

Закончился 1945 год. Он останется в памяти народов, как один из величайших дат истории человечества. Год побед над германским и японским агрессором, год разгрома вооруженных сил фашизма. 1945 год — год решающих успехов мудрой сталинской стратегии. 1945 год был годом дальнейшего укрепления социалистического государства и торжества благородных идей Ленина-Сталина.

В 1945 году увенчались торжественно великие усилия советского народа. С окончанием второй мировой войны открылись огромные исторические перспективы перед человечеством. Советский народ спокойно и твердо смотрит в будущее — он готов к новым трудам и победам.

В годы Великой Отечественной войны советского народа, когда на много веков вперед решалась судьба всего мира, история вошла в жизнь каждого человека. Советский воин, прошедший от Сталинграда до Берлина, знает, что он совершил подвиг огромного всемирно-исторического значения. Советские рабочие, колхозники и интеллигенция знают, что их самоотверженный труд обеспечил разгром фашизма.

Наша жизнь, борьба и строительство новой жизни, вправе ожидать произведений литературы, достойных их подвига. Алексей Максимович Горький не раз говорил о том, что наше искусство должно показывать советскому человеку, как он велик, какими могучими возможностями он обладает, какие неисчислимые силы находятся в его власти. За время Отечественной войны эти возможности колоссально расширились, эти силы неизмеримо увеличались. В тяжелых испытаниях люди выросли, закалялись, окрепли. Новыми глазами они взглянули на себя, своих товарищей, свою страну. Все мы помним прекрасные слова товарища Сталина о простых, скромных советских людях, «...которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это — скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звание у них нет, чина мало, но это — люди, которые держат нас, как основание держат вершину». Это — лучшая оценка народных усилий и могучий стимул для нового движения вперед, нового стремительного роста.

Дух борьбы и созидания должен господствовать в искусстве. Прочная, нерушимая связь с народом, глубокие и органические выражения передовых идей современности, последовательная и непримиримая борьба за их торжество — вот что всегда составляло существо русской литературы. Наша литература опирается на славы традиции великой классической литературы прошлого века — литературы Пушкина и Лермонтова, Чехова и Тургенева, Ремизова и Некрасова, Белинского и Чернышевского. Их книги учили народ бороться за победу добра и справедливости, истины и красоты. Уже в наше советское время А. М. Горький и В. В. Маяковский неустанно работали над созданием художника нового типа, художника, способного «в просветлении бытия с веком паравать», способного реализовать в своем творчестве благородные идеи социализма. Искусство в нашей стране стало делом, оно воспитывает, утверждает.

В годы Великой Отечественной войны наша литература создала волю и воодушевила солдат. И сейчас, когда замолели пушки, советские художники отчаянно понимают, что морально-политический разгром фашизма и его покровителей и пособников еще не завершены. И они должны делать все, что в их силах, для того, чтобы окончательно закрепить победу демократии над империалистической агрессией.

Самодовольство и упокоенность всегда были чужды советскому искусству. В нем господствует дух неуловительности, дух исканий и открытий. Наши литераторы смело сознают, как много им еще нужно сделать для того, чтобы выразить и запечатлеть грандиозную эпоху, в которую мы живем.

Именно этот дух поисков, дух неукротимого новаторства, и принес нашей литературе в прошедшем году интересные книги, которые стали заметным событием в культурной жизни страны. Эти книги принадлежат перу писателей разных поколений. Среди них и роман Александра Фадеева «Молодая гвардия», и начало трилогии Константина Федина «Первые радости», и повесть молодого литератора В. Овечкина «С фронтовым приветом», и ряд других произведений. Предреволюционное прошлое, Отечественная война, которая еще вчера была настоящим, мечты о социальном будущем — все это занимает умы советских писателей.

В литературу входят новые имена, новые дарования.

1945 год был годом знакомства наших читателей с молодыми способными писателями, которые, как правило, выступают со стихами лирическими, стремясь выразить чувства и мысли поколения, современного в годы войны.

Рядом с произведениями профессиональных литераторов появляются все новые книги «бывалых людей» — жанр, который так высоко ценил А. М. Горький. Книги эти ценны не только тем фактом, о которых мы рассказываем, но и благородным духом патриотизма, моральной чистоты и правды, их проникающей.

Будущее принадлежит писателям, работающим серьезно и добросовестно, писателям, понимающим, как велика прелесть и ответственность советского художника, писателя, которые соединяют острую наблюдательность и мастерское владение словом с высокой идейностью и политической широтой.

Мы вступаем в новый год с твердой уверенностью в том, что он будет плодотворным и превратит в дело те пожелания, с которыми справедливо обращается к литераторам многомиллионный читатель.

Плакат работы художника П. Голубя. Издательство «ИСКУССТВО».

Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед к новым победам!

То советской СТРАНЕ

ПЛАНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ НА 1946 ГОД

КИЕВ. (От наш. корр.) На заседании президиума Союза советских писателей Украины обсуждались тематические планы на 1946 год украинского издательства: «Советский писатель», Украинское государственное издательство и Государственное издательство детской литературы.

Издательство «Советский писатель» предполагает выпустить в свет 40 книжек прозы, 40 книжек поэзии, пять тематических альманахов, два альманаха молодых авторов, пять книжек по литературоведению и критике. Классическая литература будет представлена в шести книжках «Библиотеки поэта» и девяти книжках «Библиотеки новеллиста». Всего намечено к изданию 107 книг (680 печатных листов).

В планах Украинского государственного издательства и Государственного издательства детской литературы классика и современная художественная литература занимают значительно больше места, нежели в 1945 году.

Южной Украины, Бессарабии, Крыма, г. Киева, собрание рукописных материалов, включающее рукописные книги, дипломатические документы, личные архивы, перлюстри, альбом путешествеств Григорьевича Барского, «Житие св. Варлаама и Исаифа» (1021 г.) и др.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КНИЖНЫХ ФОНДОВ

КИЕВ. (От наш. корр.) На днях в библиотеку Академии наук УССР доставлено из Бухареста 10416 книг, вывезенных оккупантами из Киева. Возвращено много редких изданий на русском, украинском и иностранных языках, 168 древних печатных географических карт, 159 рукописных карт.

«СОВЕТСКИЙ КРЫМ»

СИМФЕРОПОЛЬ. (От наш. корр.) Вышел первый номер историко-краеведческого и литературно-художественного сборника «Советский Крым». Сборник открывается письмом тружеников Крыма товарищу Сталину в годичную годовщину освобождения области от фашистских оккупантов. Основная статья героя боев за Крым генерал-лейтенанта Мельника, помещенная в историческом отделе, рассказывает о подготовке и проведении Крымской кампании. Автор рассказывает о высалке десятка тысяч Керченский полуостров, штурме Турецкого мыса и боях за Севастополь.

Краеведческая часть сборника представлена статьями профессоров П. Болгарова, В. Колесникова и В. Чапыгина, знакомят читателя с хозяйством Крыма — виноградарством, садоводством и почвами полуострова. В этом же отделе напечатана статья М. Олинского и Д. Холендрова — «По местам Крымской конференции».

В сборнике впервые опубликована третья глава из романа С. Сергеева-Ценского «Путь заговорил» (из эпопеи «Преображение»). Название главы — «Художник и война». В сборнике напечатан также рассказ П. Павленко «Рассвет» об украинском колхознике, поселившемся на Крымском полуострове. Кроме этого, помещен публицистический очерк писателя — «Крым будущей».

Отдел поэзии невелик. Он представлен лишь несколькими стихотворениями В. Кулемина и Б. Сермана.

Второй номер сборника «Советский Крым» выйдет в начале 1946 года.

ПАМЯТИ К. Д. УШИНСКОГО

КУЙБЫШЕВ. (От наш. корр.) Общественность г. Куйбышева готовится широко отметить 75-летие со дня смерти выдающегося русского педагога К. Д. Ушинского.

В ближайшие дни в высших учебных заведениях состоится научная конференция на тему «Педагогическое наследие Ушинского, его жизнь и деятельность». Во всех школах и техникумах будут проведены собрания, посвященные памяти Ушинского.

В день смерти Ушинского состоится городское собрание в драматическом театре им. М. Горького.

НОВЫЕ ТУРКМЕНСКИЕ ПЬЕСЫ

АШХАБАД. (От наш. корр.) На четырех заседаниях правления ССП Туркменистана обсуждались новинки драматургии. Свои поправки вносили Ташаев, Г. Мухтарова, Бекте Пурлиев и Базар Аманова. Эти авторы не впервые выступают в драматургическом жанре. Эсенова и Аманова хорошо были известны туркменскому зрителю еще до войны, первая — своей комедией «Шемшат», второй — инсценировкой классического романа «Зохре и Тахир» и комедией о Кемине. Молодые драматурги Мухтаров и Пурлиев написали в соавторстве четыре пьесы для областных колхозных театров, имеющие успех в колхозной аудитории. Теперь эти драматурги выступают пороком.

В обсуждении новых пьес приняла участие писатели, театральные актеры Ашхабада, руководящие работники Управления по делам искусства.

Герои драмы Т. Эсеновой «Побежденный дракон» — туркменская интеллигенция, художники, музыканты. Действие происходит частью в Туркмении, частью в Действующей армии. По мнению всех участников обсуждения, фронтные сцены в пьесе значительно слабее, чем сцены в ауле, они нанизаны и обвешаны неизвестные автором среды, в которую она вводит своих героев. Сцены «тако», напротив, написаны Эсеновой понастоящему драматично, в них действуют живые люди, в существовании которых зритель не сомневается.

ПЯТАЯ КНИГА «ОМСКОГО АЛЬМАНАХА»

ОМСК. (От наш. корр.) Вышла из печати пятая книга «Омского альманаха». В ней опубликованы рассказы С. Залигина и П. Радчицына главы из повести В. Уткина — «Прошлый рубез»; стихи М. Максимова, Н. Москалева, М. Юдакина, Вл. Бухарина и др.; переводы Л. Мартьянова и В. Энгельгарта; очерк Ин. Шухова — «Картины старого Омска»; статьи И. Корюкина «Народные песни Западной Сибири» и В. Бурина «Тобольский гражданин Петр Ершов»; исследование Б. Бухштаба «Козьма Прутков», П. П. Ершов и Н. А. Чижов».

ТЕМЫ, ЖДУЩИЕ ПИСАТЕЛЯ

1. Николай ТИХОНОВ

Когда Красная Армия, ломая последние преграды, добивала фашистского зверя в его логовище, среди развалин Берлина, в порохом дым, в огне пожара, — свидетели всего происходящего были многочисленные писатели и очеркисты. Очерк в эти дни заполнил газеты и несколько позже журналы.

Все было интересно читателю. Он ждал узнать как можно больше подробностей, как можно ярче представить себе историческую картину победы, разгрома гитлеровского государства. Последние выстрелы мировой войны, капитуляция врага, описание рейхстага, имперской канцелярии, виды разрушенного Берлина, наш праздник Победы в поверженной фашистской столице — все это неоднократно проходило в очерках многочисленных авторов.

Это были первые впечатления, очерки последние, горячие, талантливые, очерки средние и слабые. Как показала недавняя жаркая дискуссия в Союзе писателей, когда обсуждались очерки, напечатанные в журнале «Знамя», все признавали, что в очень многих случаях тема разрабатывается легкомысленно, поверхностно, примитивно. Уже можно начертить некий схематический план, по которому пишется очерк.

Путешествуя со скоростью два километра в час, когда даже деревья, растущие по сторонам шоссе или автострады, сливаются в тусклое пятно и нельзя иметь никакого представления даже о местности, по которой едешь, автор прибывает в город — место своего назначения. Здесь он идет ночевать в дом, рекомендованный ему компаньонтом. От этой случайности идут другие случайности. Поспешность справочных сведений о том или ином городе приводит к тому, что Дрезден становится заповедником готтики, когда в нем всегда преобладал стиль барокко, случайный хозяин или хозяйка превращаются в «типичных» представителей населения, вид из окна превращается в «характерный» пейзаж, а после экстренного занесения всего этого в записную книжку автор отправляется с такой же скоростью дальше. Вот почему в очерках все чаще мелькают фразы: «мимолетом заметил...», «мне запомнилось только это...», «мне сбилось в глаза...».

В этой путанице чувств и наблюдений, лишенных темы, нет ничего, кроме анекдотов, случайных разговоров и отрывочных географических и экономических сведений, зачастую неверных и неточных.

У авторов нет отношения к материалу, ими наблюдаемому. Отсутствие широкого взгляда — нашего взгляда на время и на человека, делает очерки бессодержательными, даже при наличии хороших поданных мелочей или хорошо описанных пейзажей. Мирозернение должно выражаться в очерке с наибольшей силой, потому что он оперирует художественными деталями, позволяющими читателю глубже понять происходящее. Писатель советский, путешествовавший в послевоенной Европе, не может быть праздным туристом, регистрирующим эстетические ощущения той или иной местности.

А между тем чрезвычайно важно именно сейчас рассказывать об этой Европе, обяснить ее в своих очерках как нашим за границей, так и советским людям на родине.

Советский читатель хочет знать о том, что делается в оккупированной Германии, как живут немцы, что они думают, какие процессы происходят во всех слоях германского населения, что такое быт больших городов, быт деревни, что делается, чтобы морально-политический разгром фашизма был доведен до конца, как борются с вервульфами и как сопротивляются негодные фашистские привокиты.

Жизнь в освобожденных братских славянских странах очень мало освещается в очерках. Сведения о Чехословакии, Польше, Югославии, Болгарии отрывочны и не часты. В газетных произведениях довольно много корреспонденций, но нужны большие очерки, большие рассказы о жизни и борьбе за свободу этих стран. Сегодняшний день Европы сложен и противоречив. Задача писателя-очеркиста — проникнуть в эту сложную и интересную картину Европы, происходящую на пространстве Европы после разгрома фашизма, разоблачить глупые и лживые представления о европейской жизни, вызванные незнанием или неосведомленностью.

Надо говорить и об изображении советского человека на фоне этой послевоенной Европы. Многие советские люди живут сейчас в городах Западной Европы, исполняя свою историческую миссию. Они представляют советские, новые характеры, неведомые Европе. Они являются представителями той силы, которая создала социалистическое общество, создала первое в мире могучее советское государство.

Нельзя забывать об этом, говоря о современной Европе и о том положении, в каком она очутилась, разграбленная и униженная фашизмом. Освобожденная Красной Армией, эта Европа начинает жить по-новому, и описания ее по старым меркам нейтральности очерка никуда не годятся.

Огромная тема, ждущая писателя — человек, вернувшийся с Великой Отечественной войны. Человек-победитель, участвовавший в самой грандиозной битве за счастье человечества, возвращается к мирному труду, к новой созидательной работе. Его встречает семья, его встречают родные и знакомые, сослуживцы, его приветствуют, обнимают, целуют, ласкают, говорят речи. Он видит новые места, он возвращается на родную землю или в оставленный им для родных город колхоз. Или он начинает учиться или скрупулозно занемлет как-нибудь не очень заметное служебное место в большом городе.

Он полон бравых воспоминаний, еще перед его глазами чужие земли, вражеские, неприятные, поля недавних сражений. Он вернется не таким, каким шел. Война как бы сделала его плечи шире, поступь еще увереннее, экалила характер, воспитала долю, показала ему мир самых трагических переживаний, наградил его новыми друзьями, незабываемыми товарищами

2. Николай ТИХОНОВ

Он по-другому воспринимает многое. Его политическое сознание расширилось. Он не простой человек, он — герой. Он сын великого государства, он сын великой партии. Он был участником бесмертных дел. И в то же время его жлет отныне обыкновенная жизнь, не похожая на походную и боевую.

Такого человека изобразить совсем не так легко. Один возвращается в Москву, другой — в национальную республику, третий — на далекий север, четвертый — на далекий юг. Разные судьбы и разные работы ждуть их.

Я не говорю о людях особенных подвигов, о знатных, о доблестных героях, украшенных орденами. Жизнь этих людей так богата красками, что писатель в таком случае может быть даже хорошим констатом их жизни, чтобы передать их портрет поколения. Но простые, обыкновенные люди нашего социалистического общества не похожи на простых, обыкновенных людей прошлой России. Как ни сравнивай людей сходных профессий, не может быть простого сходства. Чеховские герои были их отцами и дедями. Горьковские герои были их отцами и дедями.

Но дети не похожи на своих отцов и дедов. Это новая, советская порода. И в природе этого нового простого человека заложены те силы, которые надо открыть писателю, как их открыла жизнь, открыла Великая Отечественная война всему миру. Почему мы победили? Потому что фашизм был разгромлен миллионами этих советских людей, еще никем как следует не описанных, художественно не раскрытых.

Мы читали в дни войны о том, какие боевые подвиги они творили. Но за точностью боевого подвига мы не могли увидеть времени тщательному, подробному, мельчайшему анализу их душевных черт, их новой нравственной природе, их моральному облику.

Прежде всего они очень богатые люди. Их богатство — в их неисчерпаемой талантливости, в жажде жизни и в умении жить по-новому. Этому их научила советская жизнь, социалистическая действительность. Они большевики, переделывавшие свой быт и свое сознание. Но сказать про них только, что все они очень хорошие люди — значит ничего не сказать.

Они сложные люди, они разные люди. Если Шекспир изображал с такой силой человеческие страсти и трагедии, избрав своих героев из среды императоров, королей, дворян, царей, королей, купцов, синилов, то теперь надо с шекспировской силой изобразить этих подлинных героев нашего века, превосходящих героев древности и своими делами и своими характерами.

Но простые определения их положительных качеств не делают их утвержденными в литературе характерами. Их надо брать во всей сложности жизни, во всей трагической сущности пережитого, во всем многообразии их характера.

Тогда они встанут, как исполнены духа, нравственные богатыри, простые люди великой сталинской эпохи, творившие новую историю свободного человечества.

3.

Множество советских людей испытали на себе весь ужас и мрак фашистского разбойничьего ига. Многие были в плену, многие были угнаны на каторгу в черную немецкую неволю. Они годами страдали там, болели и умирали. Мы знаем народных мстителей-партизан, но мы знаем и предателей, тех презренных и врагов народа, существа презренные и ничтожные, страшные в своем разложении, змеиные отродья, которые пошли на службу к палачам и убийцам. Они уже были заклеймены писателями. И в романе «Молодая гвардия» А. Фадеева, романе, где так правдиво и глубоко даны прекрасные образы героической молодежи Краснодона, есть эти отвратительные выродки, и в «Радуге» Ванды Василевской, где выведена ничтожная человеческая моль, и в «Нашествии» Л. Леонова, и в очерках и пьесах К. Симонова, и в других произведениях советских писателей.

Но я хочу говорить не о них, а о тех, кто страдал в неволе. Речь идет о том моральном вывихе, о той трагической внутренней травме, которую нанесли советским людям фашисты, всячески старавшиеся превратить их в безвольные, покорные существа, фашисты старались убить в них все то замечательное, что дала этим людям советская страна.

Таких людей, растерявшихся, запуганных, забытых, перенесших величайшие моральные и физические пытки, людей усталых, больных, перенесших годы рабства, не может забыть советская литература.

Об этих людях надо писать и говорить. Надо писать и говорить, чтобы снова и снова напоминать миру о неверном заговоре негодяев фашистской Германии против свободного человека, о нечеловеческой жестокости этих людоедов. Надо рассказывать пробы об этих жертвах и указать им пути к полноценной новой жизни.

Среди этих людей во тьме немецких лагерей смерти были и другие люди — крепкие духом, сильные, уверенные, умевшие сохранить себя перед угрозою смерти, сохранявшие свое внутреннее «я», люди, организаторы сопротивления, смелые и непоколебимые в опасности. Об этих людях, погибших и уцелевших, не надо забывать, когда будут писаться книги о муках наших пленников в фашистской Германии.

Советский человек, прошедший от Сталинграда до Балкан, с высоты которых он увидел старые дороги братской земли, с высоты Карпат, откуда лежит путь в западные земли славянские, оглядел старую землю своих братьев.

Такое не бывало еще в истории славянских народов. Советский Союз встал как осязаемый, как старший брат во главе возрожденных славянских народов. Он нашел братьев, которые вместе с ним, отдельные вражескими легионами, сражались на смерть. Вся Черногория встала против поработителей в день 22 июня 1941 года при известии о том, что Гитлер напал на Советский Союз. Черногорцы приняли неравной бой, они встали, чтобы ударить в тыл фашистам. Вся Югославия заняла кострами партизан. В горах Болгарии появились партизанские отряды.

Славянская тема никогда не представляла такой величественной и прекрасной. Симфония борьбы гремела над долинами полуострова, пылала легендой по древней Праге, вдохновляла заштитников орлиных гнезд Боснии и Македонии.

Русский воин пришел в эти страны не похожим на своих далеких предков. Это пришел человек нового века, и его встретили, как брата, брата по крови и по оружию. И как брата по судьбе, по тому историческому пути, который стал асен славянским народам, — пути к свободе. Новый 1946 год приходит в славянские страны, твердо держащие в руках знамя демократии, знамя победы.

Но если мы хотим писать об этих народах и их борьбе, не будем искать ее героев только среди высокой интеллигенции этих стран. Простой народ, крестьяне, рабочие, рыбаки, пастухи, молодежь этих стран дадут писателю огромный материал. Они расскажут тысячами уст свой трагический рассказ испытаний, горьких жертв, перенесенных бедствий, рассказ, как они своими делами превратили скромные дни борьбы в народный эпос, который никогда не померкнет.

Их вожди вышли из рядов народа. Советский воин стал любимым братом этих народов. В нем увидели они новую славу, новые достоинства человека, непобедимую силу, созданную великим Сталиным.

О роли советского человека в среде братских народов еще почти ничего не сказано. Но устные рассказы о нем уже живут в народной душе. Но песни, сложенные о нем, уже слышатся от Ярана до Черного моря.

Славянская тема встает не как призрак древних лет. Она насыщена высокой идейностью новых времен. Она дышит правдой страны социализма.

Песни красноармейцев и партизан Югославии встречаются, как руки в хороводе, когда танцуют праздничное хоро.

Надо, чтобы встретились и книги братских писателей и стихи братских поэтов. Слишком долго было разделение слишком долго мы были разлучены. Теперь нам ничто не помешает. Мы вместе.

5.

«Кончился 1945 год, год неповторимый, грозный, огневой. В туманной пелене нового, грядущего года видятся другие — мирные победы, другие — трудовые подвиги. Во всех областях жизни увидим мы много нового, может быть необычайного.

Появятся новые, неизвестные доселе поэты и писатели, рожденные войной. Может быть уже где-нибудь в оккупированном немецком городке какой-нибудь лейтенант-танкист кончат новую повесть и мы скоро удивимся его уверенному голосу. Может быть где-нибудь на Волге вернувшийся с фронта капитан проводит бессонные ночи над первой книгой стихов, которые заставят нас вспомнить собственную молодость, проведенную в бурных морях Октября, перестраивая мир.

Не может быть, что они не придут, эти молодые, играющие силой нашей земли. Они уже есть, они где-то рядом, их надо только разыскать, они идут, эти молодые, подставив пылающий лоб нашему свежему северному ветру на бескрайних дорогах нашей родины.

Для своих молодых лет они видели слишком много. Они знают, что такое кровь и упорство, любовь и дружба, верность и смелость. Они знают, что они дети такой страны, которой удалось мир. Они должны бороться. Для них настало время продолжить наши поиски совершенствования родной русской словесности, поставить мастерство новые законы, открыть неслыханное, увидеть мир так, как мы еще не видели.

Это будут цельные люди, они будут передовыми гражданами, как они были передовыми бойцами. Они видели трупы и развалины, но отчаяние не завладело ими. Они прошли сквозь концентрированную ненависть и они оместили. Их глаза видят снова блеск великой жизни. Они не состарились в испытаниях, она получила закал и мудрость и может быть седую правду, которая украшает их юную голову.

Но не только оттуда, с полей недавних битв, придут молодые. В тиши наших просторов, в гротеках наших новых и старых городов, всюду, где мы видим трудя, направляемые энергией неистощимого высокого разума, есть молодые таланты, еще неизвестные, но уже окрыленные мечтой.

Ведь и наши классики, которых мы так высоко чтим, ведь и они, было время, только начинали свой путь, только писали свои первые страницы.

Когда-то русский поэт сказал:
Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется,
И нам признанье дается,
Как нам дается благодать.

ПОБОЛЬШЕ КНИГ ХОРОШИХ И РАЗНЫХ...

Н. КАЛАДЗЕ
Гвардии генерал-майор

Жизнеопосвящение полководцев

Я люблю художественную литературу и с особым удовольствием читаю произведения, написанные на военные темы. В свое время с большим интересом я прочел: «Народ бессмертен» Гроссмана, «Фронт» Корнейчука, «Дни и ночи» Симонова, «Волковолокно» Шестакова, потому что в этих книгах была заключена правда о войне. Каждое из этих произведений по-своему говорило нам, как в необычайно трудных условиях войны советский человек овладевал сложным искусством победителя.

В огне Отечественной войны выковался новый стиль ведения военных операций, сформировались новая стратегия и тактика, которых не знала до этого военная история. Накопился колоссальный боевой опыт, он изучается и обобщается научной военной мыслью. И теперь, когда Отечественная война становится достоянием истории, когда читатель должен научиться все эти великие победы, мы вправе ждать от писателей эпических произведений, по мощи и силе воздействия не уступающих лучшим созданиям мировой классики. Многих читателей уже не удовлетворяет изображение в романе или повести каких-то частных эпизодов войны. Мы хотим читать многочисленные романы, в которых история грандиозных битв перемежалась бы с яркими обрисовками человеческими судьбами, горестями и радостями, с картинами нежнейших и тончайших психологических переживаний.

Мне кажется, что большое место в нашей литературе должен занять жанр историко-биографический. Я несколько раз читал книгу К. Осилова «Суворова». Уверен, что пройдет еще немало времени, и я снова перечитаю ее. Это глубоко полезная и ценная работа писателя. Со страниц книги точно живой встает образ великого гениального полководца. Четко обрисованы исторические условия, в которых ему приходилось действовать. Воспитательное значение такого типа литературы несомненно.

Когда я воскрешаю в памяти различные эпизоды нашей войны с немцами, мне прежде всего вспоминается 1942 год, Сталинград. Здесь на полях сражений открыло свое искусство наших полководцев, воспитанных сталинским стратегическим гением. И мне хотелось бы, чтобы в новом, 1946 году появились не только романы и повести на военные темы, но и научно-художественные очерки, в первую очередь о Сталинградском сражении и о полководцах, окрыливших себя неуязвимой славою.

В. МУХИНА

Народный художник СССР

Покажите психологию творчества

«Литературная газета» дает мне возможность высказать некоторые пожелания, которые хотелось бы видеть осуществленными в 1946 г. Очень хотелось бы, чтобы писатели заинтересовались вопросами психологии творчества-художника, творца-ученого не в виде исторических монографий, а в виде исследований или романов о психологии творчества (типа «Эрроузмит» Синклера Льюиса), не боясь показать при этом, что это творчество имеет тернистый путь, а не легкий путь, успешный ролями лауреатства, ибо это надо заработать трудом и верой в свое дело.

В исторических романах надо было бы воспитывать не только вопросы политики разных эпох, но и дать картины быта и всего того прекрасного, что они нам оставили: обычаи, предметы искусства, легенды и прочее, так как и они определяют жизнь народов.

Хотелось бы привлечь внимание писателей, в особенности драматургов, на то, что основой литературного произведения является борьба интересов и психологическое развитие образа, а не только описательные события.

Очень желательна грамотная научно-художественная литература. Пожелания издательствам: начать издавать библиотеку мировой литературы, не забывая и античную. Желательно полные собрания сочинений, без купюр, не школьного типа; малого формата и на тонкой бумаге, типа оксфордского издания английских классиков; чтобы Пушкин, например, занимал два небольших томика, а не восемь томов «ин-кварт». Чтобы любимого писателя можно было бы носить в кармане, а не спрятать под тяжестью его томов.

Академик А. МИКУЛИН
Герой Социалистического Труда

РОМАН О БОРЬБЕ И ПОБЕДЕ

У нас была война, невиданная и жестокая. Невиданная по героизму и мужеству народа, жестокая — по потерям и жертвам. Мы эту войну пережили — каждый, как свое личное дело. Мы хотим знать о ней все.

У нас была литература о войне. Она показывала нам трагедию, которую переживала страна, и подвиги, которые совершали герои. Так и нужно было писать. Книжки служили целям, стоявшим перед литературой. Писатели верно поняли свою задачу. Но литература о войне была все же в некотором смысле односторонней.

Война кончилась. И вот теперь, когда мы победили, мы хотим знать, как это вышло.

Я хочу, наконец, прочесть книгу, — пусть это будет хроника, или произведение исторического жанра, — из которой я узнаю бы не отдельные эпизоды, рассказанные со слов их участников или даже наблюдателей, а историю писателя, а факты еще не известные мне факты, имеющие решающее значение для исхода серьезных, переломных операций. Раньше эта задача была непосильна для писателей по ряду независящих от них причин. Сейчас, когда многие военные документы превратились в действующих приказов в архивные материалы, когда вернулись с фронтов живые участники и вершители военных судеб, когда в наших руках находятся архивы немецких штабов, немецкие генералы и солдаты, мы можем потребовать писателя уже иные требования. Теперь только от их дарования и желания зависит всестороннее изучение истории ведения этой войны, написать такую книгу.

Академик Б. ЗБАРСКИЙ
Герой Социалистического Труда

ОПЕРЕЖАТЬ СОБЫТИЯ

За последние годы человечество пережило эпоху, равной которой не было в истории. Война раскрыла все стороны человеческой души, все свойства характера, все возможности разума, воли, таланта. Мы не сможем найти в прошедших веках и подобия тому массовому героизму и человечности, которые мы наблюдали ежедневно. Исчезли преграды, и люди на одном конце земли жили интересами людей с другого конца.

Но во время войны обнаружилось не только величие, но и слабость человеческой души, мы увидели много зло и уродливого, мы даже не подозревали, что люди, — если только можно назвать фашистов людьми, — способны принести столько разрушений в мир.

Все мы, и пишущие и читающие, работаем много и напряженно. Все мы стараемся (каждый в своей области) создавать достойные эпохи.

Литература и искусство должны найти свои неотторгаемые пути и запечатлеть великие тоны. До сих пор писатели с избытком или меньшим мастерством воссоздавали отдельные куски прошедшей эпохи, — это и понятно; трудно в разгаре событий охватить все стороны жизни. Но теперь нужна симфония, нужны произведения, подобные «Фаусту», трагедиям Шекспира, «Войне и миру». Они должны передать размах событий, содержание эпохи, воссоздать современного человека, все свойства и качества которого так резко обозначились в первой войне.

Трудно, конечно, гадать о будущем, но я верю, что такое произведение напишет мой любимый писатель М. Шолохов.

Война закончилась победой прогрессивного человечества, а последний обителем войны, — и это символично, — было открытие атомной энергии, показавшее, на что способна человеческая мысль.

Вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что использование атомной энергии открывает такие перспективы в области науки, развития образа, а не только описательные события. Очень желательна грамотная научно-художественная литература. Пожелания издательствам: начать издавать библиотеку мировой литературы, не забывая и античную. Желательно полные собрания сочинений, без купюр, не школьного типа; малого формата и на тонкой бумаге, типа оксфордского издания английских классиков; чтобы Пушкин, например, занимал два небольших томика, а не восемь томов «ин-кварт». Чтобы любимого писателя можно было бы носить в кармане, а не спрятать под тяжестью его томов.

которая рассказала бы об этой войне как о состязании двух огромных сил.

Пока в области литературы не появится произведение, раскрывающее сложнейшие механизмы Великой Отечественной войны, детали коварных приемов врагов, писатели не могут считать свой долг перед родиной выполненным.

Литература должна также заняться еще большим воспитанием молодежи. Нельзя сказать, чтобы автору всегда удавалось много внимания проблеме воспитания советского человека. А те, кто, пишут для детей, в большинстве случаев либо менторствуют, либо любезничают со своими юными читателями. Мы знаем, что в суворовских школах мальчиков учат лучшему поведению, советской дисциплине, мы знаем, что наши воспитательные учреждения разработали правила общественного поведения для советской молодежи. Но их усвоит лишь тот, кто сам хочет им подчиниться. А остальным должна перевоспитать книга, которая покажет уродливое друное, антиобщественное поведение человека.

Однако все, что пишется в литературе, должно читаться с захватывающим интересом и давать глубокое переживание читателю. Будем стремиться к такой литературе.

А. ДАНИЭЛЯН
Народный артист СССР

НЕ СГЛАЖИВАТЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Мы, работники искусства, не можем ограничиваться рамками только своей профессии и если хотим создавать яркие, запоминающиеся образы, обязаны прибегать к помощи смежных искусств. Любой из нас обращается в первую очередь, разумеется, к художественной литературе, в ней мы черпаем неиссякаемый материал для вдохновения, для расширения кругозора. Когда я работал на образном Олимпиаде в спорте Чукачи на «Спуск Второй», мне было недостаточно материала, заключенного в либретто. Почувствовал аромат эпохи (IV век) мне помогли два романа: «Самуэль» Раффи и «Царь Пап» Степана Зорьяна.

Роман Степана Зорьяна я считаю наиболее значительным из произведений прозы, вышедших в Армении в 1945 году. Из поэтических работ Большими достоинствами обладает поэма Наира Зарьяна «Ара Прекрасный». Но это произведение на исторические темы. Большинство из того, что написано о современности, гораздо слабее.

Между тем, произведения многих жанров литературы крепко вошли в жизнь нашего народа. Я не говорю о городах, где много театров и других культурных учреждений. Работники искусств часто выезжают в колхозы и на колхозных сенокосах ставят произведения Горького, Сулдукина, Шекспира, Мольера, Гольдони. Народ хорошо знает этих классиков. Однако и при существовании на колхозной вечеринке, где один колхозник называет читал собранный

шлись большие отрывки из «Отелло». Какое, казалось бы, дело ему до Дедемонны? Однако ее образ, и притом в литературном аспекте, близок сердцу многих — в нем воплощены верность, благородство, честность, все то, что великим пыталось гуманистическую струю мировой литературы. И армянский читатель и зритель с большим нетерпением ждут произведений о современности. Герои которых были обрисованы так же ярко, как это умели делать классики. Мы с нетерпением ждем книг о наших современниках, о тружениках наших городов и деревень.

Идет ли речь о романах и повестях, о драмах или даже о лаконическом либретто оперы, — произведение интересно тогда, когда оно построено на богатых драматических коллизиях, когда внутренняя связь персонажей осложнена неожиданными перипетиями, когда автор показывает героя в новом, неожиданном для нас свете.

Некоторые наши писатели не решаются глубоко раскрыть жизненные противоречия, настоящую борьбу подмывают незначительными поверхностными столкновениями — все это облетает, опресснет жизнь, делает художественные образы невыразительными.

Мое новое пожелание писателям будет дерзновенным, смелым. Только тогда вы сможете отразить жизнь во всей ее трудной сложности и торжествующей полноте, только тогда мы сможем читать книги, которые взволнуют нас и покортят своей правдой.

Борис ЧИРКОВ

Заслуженный артист Республики

РАЗНЫЕ ГЕРОИ, РАЗНЫЕ ХАРАКТЕРЫ

Аграфья Тихонова, выбирая жену, мечтает: Вот, если бы к носу Ивана Кузьмича прибавить губы Балтазара Балтазарыча, да прибавить дородности Ивана Павловича — я бы тотчас решилась!

Выбирая из прочитанного мною за прошедший год лучше, во-первых, книгу, я еще в худшем положении, чем Аграфья Тихонова, так как женихи мои разнообразны и своеобразны, а сложить

из них нечто новое, общее, во всех отношениях приятное не удается.

И отдельно от всего прочитанного стоит для меня неоконченный роман Фадеева «Молодая гвардия». Первое, что меня завораживает в этой книге, — большая любовь автора к своим героям. Романтически изображает он их жизнь и их подвиг. Любовь автора украшает каждого из них, и один за другим появляются герои с такими яркими чертами, сине, все чистое, и телом и душой, с благородными чувствами и стремлениями. Автор помог каждому из них принести с собою все лучшее, что у него есть.

Пожилый майор обнимает двух юнцов: «Замечательные вы ребята! Вы и сами не знаете, какие вы хорошие!» Это благодарно воспринимается ими и сам автор, который не притворяется, а у себя своих героев и покладывает им, читателю, с тем же восхищением смотрит на них.

Я не притворяюсь, чтобы написать эти строки, я пользуюсь памятью о прочитанном. Это не выступление критика, а только воспоминание читателя.

Два старых большевика сидят в тюрьме и невольно взирают после недавней схватки с гестапо. Превращаясь в раба измученного тела, дух их торжествует моральную победу над врагом, над страхом смерти. Да заповорочка, два казачка из полка Тараса Бульбы. Их нельзя укротить, можно только всецело поубить их тело. Лежачие на полу, истерзанные, приговоренные к смерти люди на всю тюрьму смеются над спящими мучниками, боящимися зайти к ним в камеру. Связанные, но не укрощенные, благодарят они друг друга за великое их товарищество в жизни, в борьбе, в смерти.

Автор не поучает меня, читателя, он просто очень любит своих героев, а вслед за ним влюбляются в них и я и кланяться великому подвигу старых и молодых наших товарищей. И, толкаясь в метро, я знаю, что где-то, среди протискивающихся и наступающих мне на ноги людей, верный Сергей Тюмцев и торжествует Лобка Шевцова. Я часто огрызаюсь на них, я не умею отделить их друг от друга, а Фадеев, показывая их в повседневности и в значительном, помог нам увидеть их чистоту, благородство, привлекательность, готовность идти на подвиг и отдавать свою молодую жизнь за самое высокое на земле, что живет в их душах, — за счастье людей.

А какую бы книгу я хотел прочесть в следующем году? Много книг, и пусть не все они будут хорошие, но обязательно пусть будут разные, отличные друг от друга и героями и их характерами, их жизнью и их желаниями.

В. МОРОЗОВ
Генерал-лейтенант

Книги для военной молодежи

Молодежи

Великие исторические победы советского народа и его Красной Армии над силами фашизма.

Для нашей военной молодежи крайне желательно иметь художественные произведения, изображающие наиболее яркие эпизоды Великой Отечественной войны — героическую защиту городов (Ленинград, Сталинград, Севастополь, Одесса), бой на Орловском, Курской дуге, форсирование рек (Днепр, Висла, Днестр, Дунай, Одер), преодоление горных штурмов (Карпаты).

В серии этих произведений должны быть соответствующие места и такие произведения, в которых были бы изображены штурм и взятие нашими войсками таких городов врага, как Кенигсберг, Берлин и т. д.

В плане детской и юношеской литературы хотелось бы иметь высокохудожественные фундаментальные произведения, посвященные героическим подвигам наших отдельных бойцов, офицеров, генералов, участников Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии — таких, как Александр Матросов, Юрий Смирнов и другие, а также значительно увеличить количество произведений, изображающих жизнь и деятельность великих русских путешественников-исследователей (Делюев, Челюскин, Лавтеев, Седов, Миклушко-Маклай, Пржевальский, Козлов, Семанов, Тяньшанский, Беринг и другие).

Мы вальдем в новом, 1946 году прочесть также художественные произведения, которые высококачественно покажут героизм нашего советского человека и бесстрашие славу организаторов и участников побед советского народа — великой партии Ленина — Сталина.

А. ШУСЕВ

Академик архитектуры

Исторические портреты

Во время Великой Отечественной войны темные силы фашизма грозили гибелью нашей стране, но она с честью вышла из всех испытаний. Я жду от наших писателей в 1946 году хороших исторических романов и повестей, где в образах художественной правды будут показаны пути беспримерной славы нашей родины. В первую очередь я хочу увидеть новые исторические произведения о востепании Наполеона на Россию, о смутном времени, о московском ите.

Но меня интересуют не только книги о военных испытаниях и ратных подвигах народов нашей страны. Я жду также художественно-исторических произведений, отражающих яркие факты мирного созидания. Россияне Клема де битны на Калке, расцвел город Владимир-Суздальский при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском, украшение Москвы Иваном Грозным, строительство Петром I новой столицы на Неве.

Проходя по улицам наших городов, мы любуемся великолепием древних архитектурных памятников. Но широкие массы мало знают о жизни их строителей. Неудолженно дожд писателей — восполнить пробел, дать высокохудожественные биографии великих мастеров архитектуры. Какой богатый материал для биографии великого архитектора — восточный представитель — великий зодчий Вавилона, Казанка, Растрелли, Камроне, Гваренга (XVIII век), Барни и Постник-Яковлева, строивших в XVI веке храм Василия Блаженного, Федора Кона, возведшего замечательные стелы Смоленска, Ринальди — строителя Петропавловской крепости, Лебелера — автора генерального плана Петербурга, Аристотеля Фьораванти в Альваза — итальянских зодчих эпохи Возрождения, приглашенных Иваном III для работы в Москве.

Художественно написанные исторические портреты выдающихся людей воспитывают чувство патриотизма, национальной гордости. Это хорошо знал древнегреческий историк Плутарх — автор замечательных исторических портретов деятелей и полководцев древней Греции и Рима. Мы должны и будем писать своих, советских Плутархов.

А. ЛЕЙТЕС

Мечта о книге

Нет ничего неприятнее, когда в качестве литературного обозревателя выступает брoзжачий критик. Критик, который требовательность подменяет придиришеством, за мелкими художественными недостатками, за отступлениями неумалчивая писателя, чем характеризует живую литературную процесс. Такой критик, прочитав несколько неудачных страниц книги, спешит отчитать ее автора, выставив их на показ и осмеивая. Но если этот суровый критик не обладает чувством крoвной заинтересованности в нашем искусстве, если он не владеет настоящей и благородной желанием способствовать тому, чтобы на опыте сегодняшней частной неудачи художника выросла бы новая, еще более высокая удача, — грoш цена такому критику!

Помноженная критика немалым образом вредит искусству, без энтузиазма, рожденного страстной мечтой о больших темах и больших характерах в искусстве! Но энтузиазм энтузиазм рознь. Наряду с критиком-брюзгой не менее неприглядную картину представляет собою обозреватель, который или ограничивается восторгами «общим и целом», или растягивает их по колодезным и нехарактерным пустякам. Когда-то Чехов зло писал об одном критике: «Природа дала ему редкую способность — видеть даже от простого, подобная вербоборщавая и душная тревожность восторженности не имеет общего с подлинным энтузиазмом не имеет. Далеки от подлинного энтузиазма и те — слишком разборчивые — критики, которые, обладая равными запасами восторженности и возбудимости, распределяют их достаточно бесопасным для себя способом. Так пишут слабые пансионеры на тему о том, как велик был Пушкин или Данте», и одновременно с ними, пренебрежительно презирая, современные классикам расточаются для того, чтобы соответствующим сопоставлением попрекнуть живых и здравствующих литераторов. Не для того же, однако, мы изучаем и восхищаемся гениями прошлого, чтобы пригнать новые и жизненные тенденции в творчестве наших дней!

Пушкин очень справедливо требовал от критики не только глубокого изучения образов», но и «делательного наблюдения»

современных замечательных явлений». Вот этого «делательного наблюдения» современных замечательных явлений, того, что мы, советские люди, называем существованием литературных обозревателей. Нет ничего более легкого и в то же время более полезного, чем анализировать повесть Первенцева или Панферова, Горбатова или Овечкина, доказывая: «это — не Бальзак». Нет ничего более легкого и в то же время бесприметного, чем, обсуждая творчество Шолохова или Фадеева, обязательно искать в их прозе контуры новой «Войны и мира». Разумеется, глубоким изучением образов критик пользуется и у себя и у своих читателей здоровый литературный вкус. И все же критик обречен на отсталость, если он наряду с литературным вкусом не проявит вкуса к живой жизни — многообразной жизни нашего поколения. Именно это подкалало бы обозревателю — как оно давно уже подкалало чуждому советскому читателю, что искусство не терпит переоценки, что новое, волнующие произведения возникнут не по старым образцам, а по мере и по росту наших дней, наших переживаний и мыслей.

Недавно в газете «Калужская коммуна» были опубликованы отрывки из дневника двадцатилетнего красноармейца Константина Балахонова. К. Балахонов, участвовавший в боях и походах первых месяцев Отечественной войны, пал смертью храбрых на подступах к Берлину. Найденный после его смерти дневник, писанный карандашом, отрывался к привалам, с чрезвычайной рельефностью рисует нам высокий моральный облик одного из многих десятков тысяч рядовых советских людей. В нашей памяти особенно запечатлелась одна запись, от 18 августа 1943 года:

«Сегодня я принят в члены ВКП(б). И хочется сделать что-то большое. Вчера я читал Гомера. Вспоминаю его слова: «Ты смертен, человек». «Живи мыслью, что это ты — последний из тебя». И хотя смерть день и ночь бродит около нас, — с Гомером я не согласен: живу для будущего и в будущем...»

Эти лапидарные, но глубоко выразительные строки можно было подкалать и им, литераторам. И эта потребность ощущается в гонимом и покое Гомера в ночь перед вступлением в партию и не менее настоятельное желание полемизировать с ним во имя нашей современности, во имя нашего

будущего — прекрасно передают идейный и эмоциональный пафос читателя наших дней.

Трудная задача обозревателя, погружающегося в поток разнокачественных литературных воинств. Как легко здесь впасть в и брoзжачие, и в некритический энтузиазм, и в менторские интонации учителя словесности, посягающего на современные сочинения классических образцами. Не лучше ли повнимательнее прислушаться к тому, о чем мечтают и чего ждут от литературы сотни тысяч советских читателей? Да и самому сформулировать свою мечту о ее не написанной, замечательной книге, достойной Сталинской эпохи. Может быть именно тогда, разявляя на завтрашний день нашего искусства, мы легче сможем бы разбраться в литературной повседневности: в одних книгах увидеть и привлекать повсюду новое начало нашей грядущей классики, а с другими страстно полемизировать во имя осуществления своих читательских мечтаний.

Так возникла сегодняшняя во всемобщая попытка опубликовать вместо очередной критической статьи краткую рецензию на книгу, которая, возможно, возникнет или начнет писаться в наступающем, 1946-м году.

2.

Это — повесть о рядовом советском человеке. Об одном из тех, за кого Сталин поднял свой тост в тот день, когда наше правительство встало в Кремле перед великими героями Великой Отечественной войны. И хотя эта повесть очень реалистично и живописно показывает поступки, мысли и переживания рядового человека — все в ней несаурадно, овеяно романтикой, поэзией.

Уже с первых страниц повести несколько озабочивающих подробностей как бы внутри освещают лица героя, и мы с ним знакомимся не механически, не по паспортным признакам, но сразу же душевно прикинем к его облику. Он становится для нас родным, и вот мы безотрывно читаем страницу за страницей, где каждая фраза подтаптана и мускулиста, где слово пригнуто к слову и где, несмотря на исключительную плотность текста, читателю дышится легко и свободно. Здесь нет ни называющего морализирования, ни называющих лирических отступлений. Нет в ней и излишнего шума, хотя в изрядной части действия происходят в обстановке военных событий. Нет утомительного обилия персонажей, среди которых можно заблудиться. Нет нагромождения подробностей, о которые можно споткнуться. И когда мы дочтем повесть, естественные грусть и радость охватывают

нас. Такая грусть бывает, когда обрывается увлекательная беседа с другом. Такая радость возникает, когда вдруг осознаешь, что приобрел друга наизло, что можно перечитать книгу, открывая новые и новые черты в любимом человеке.

С этим радостным ощущением приходит еще одно чувство: словно ты чужок поумел. А ведь персонажи повести отнюдь не сыплют мудрыми сентенциями, и ее автор не занимается тем, что тебе непрерывно поучает. Правильным инстинктом подлинного художника он понимает, что в искусстве, как и в любви, можно не договаривать до конца. Автора как раз особенно уважая за то, что он и тебя, читателя, уважает. На его примере видишь то решающее различие между популярным и вульгарным писателем, которое так замечательно подчеркнул В. И. Ленин (в рецензии на журнал «Свобода»). Автор «подводит читателя к глубокой мысли» и «не предлагает думать о думающего или не желающего думать читателя», в то время как «вульгарный писатель предполагает читателя не думающего и думать не способного».

Повесть умна уже по одному тому, что вызывает у читателя много собственных — ответных — мыслей и эмоций. Она — плод передуманного и переустояванного советским человеком за годы великих испытаний. И это пережитое и передуманное сконцентрировалось в одном фокусе — в неслыханно живых характерах с их маленькими человеческими слабостями, с их большой — охватывающей человеческой силой, которую вложили в них социалистическое общество.

Центральный герой повести, на образе которого, возможно, будут воспитываться поколения, предстает перед нами не как типичная собранная мозаика правильных идей, хороших чувств и благородных поступков. Он является в повесть запросто. Не как умничающий резонер. Не как умилительный протесток. В то же время — это самое главное — он возникает перед нами не готовенькой конструкцией положительного героя, раз навегда данного и заланного, в процессе своего развития, своих колебаний и, наконец, становления и роста.

Существуют колебания и колебания. Есть колебания в пределах одного непоколебимого характера. Так, порыв как будто колеблется, но движет вперед. Существует и колебания самого характера, здесь — олицетворяет человека, переживающего его в бытии, а хлопика, а подчас и вступительное ничтожество. Мы наблюдаем в повести колебания героя, но это — только колебания первого рода. Это не замурлышка. Так как автор с чувством подлинного народного юмора показал отдельные эти

колебания и слабости своего персонажа и так как он с великодушием — при этом очень сдержанно — патетичной передаю атмосферу, в которой они преодолели, — он убедительно и живописно вскрыл простоту, цельный, несмотря на всю свою сложность, характер. Вот почему писателю свободно удалось сатиру на некоторых из типичных несовершенств личности, вот почему он сумел бесстрашно изобразить немалые трудности недавних лет. У него было что противопоставить этим трудностям! Ему очень удалась фигура положительного героя, типического, массового, во всей его человеческой общности и конкретности.

Крупная художественная удача рецензируемой повести для нас стала совершенно ясной не тогда, когда мы восхищались ее выразительным стилем, пластичностью описаний или лиричностью отдельных любовных сцен, а тогда, когда мы почувствовали, как глубоко проник автор в природу человека, исходя из нее в развитии каждой сюжетной ситуации. Вот почему мы и не вспоминаем сейчас ни о профессии, ни о служебном положении героя.

Возможно даже, что эта повесть соответствует тематическому плану издательства, предусматривавшего изображение тех или иных участков нашей действительности. И возможно, что люди, работающие на этом участке, особенно гордятся тем, как гениально замечательна их профессия. Для нас ясно одно: у художника не было ни грани ведомственного подхода к теме, он увидел в ней прежде всего человека.

И гордиться его повестью можем все мы, советские люди, потому что она показала (и в этом ее главный подтекст), какими новыми человеческими чертами обогатил нашего героя советская власть, социалистическое общество, партия большевиков.

Мы вспоминаем, как, появившись впервые во всей своей человеческой конкретности, казалась сразу превзошед многие фильмы, казалась, была с большей искусством смонтированы. Мы вспоминаем, с каким увлечением читалась и продолжает читаться повесть Николая Островского «Как закалялась сталь», потому что она не внешне, а изнутри, с человеческой простотой показала нам становление героя.

Становление персонажа можно доказать по-разному. Существуют романы, где добросовестно и мастерски изображены разные этапы развития героя. И все же ни его жизнь, ни его художественный образ не возникает перед читательским восприятием. Когда-то Оттог Ролэн говорил: «Чтобы хорошо сделать бюст, надо дать его биографию. Даже для скульптора (дающего один момент, один жест человека)

это обязательно. Почему же у нас некоторые литераторы почему-то художественной биографии героя предпочитают читателю только серию тщательно выделенных бытовых, показывающих разные моменты и разные положения жизни? Вот — бюст героя в детстве. Вот его бюст на учебе. Вот он — на фронте. Вот он — семейный обитатель, и т. д. и т. п. Герой переживает различные драматические ситуации, а в восприятии получается, что он — сам по себе, а ситуации — только его внешний фон. Или — наоборот. Оттого в этих повестях не бывает того драматизма, который заставляет читателя перевоплощаться в героя и вдумываться вместе с ним. И если рецензируемая книга волнует, то потому, что ее увлекательная фабула находится в органическом и неразрывном единстве с внутреннею жизнью и ростом героя. Он не отстал в своем развитии от роста всей страны и ее переломных моментов его жизни.

«Молодость приходит с годами», — говорит герой повести в последней главе. И эти слова не звучат парадоксально. Они правильно передают настроенные тех, кто живет в непрерывном движении и совершенствовании на великой земле молодости.

Социалистический патриотизм состоит из стольких человеческих ощущений, что, следовательно, не можно сказать нечто новое, свежее, оригинальное. И много новизны, оригинальных слов нашел автор. А он нашел их потому, что вложил в образ своего героя все лучшее, чем живет человеческое сердце...»

3.

Как хотелось бы в подзаголовке этой статьи (как это водится в обычных рецензиях) назвать и фамилию автора, и название повести, и количество ее страниц. Разумеется, бесконечно легче назвать имена и фамилии тех, кто может служить прототипом для подобной повести. И все же такая мечта — не бесцельная, ибо она сопрягается с действительностью, которая порождает, — не может не породить — замечательные и разнообразные книги, раскрывающие не только необыкновенное и романтическое, что имеется в образе обыкновенного советского человека.

Два года лет назад, в январе 1846 года, вышел из печати сборник четвертый том «Общественных Записок» с очередным обзором Беллинского «Русская литература в 1845 году».

«Тихо и незаметно еще казал год в весточке, канул, как капля в море!».

Этими неожиданно грустными строчками начинается обзор. Но читайте дальше, и вы увидите, что это не прекрасноречивый вздох, не меланхолическая фраза. Это лишь первые аккорды вдохновенной критической симфонии, исполненной тоской о жизни. Какие могучие страсти кипят в этом скромном журнальном труде.

«...Каждое слово этого года является изобретением какого-либо автора, и каждое слово имеет свое значение и свое значение. Ничего не сделать, ничего не достигнуть, ничего не добиться, ничего не получить в продолжение целого года — значит потерять год, значит не жить в продолжение этого года... Не делай — не жди, для мертвого это вежливый беда, но не жди живому — ужасно!».

Но жить живому — ужасно! Этот возглас восторженно охватывает с уст Беллинского, когда он рассматривает литературу 1845 года. Герои бодливости романов и повестей этого года ничего не делают, ничего не достигают, ничего не добиваются. Они не живут, а только существуют. Но существование — это не жизнь. Жизнь — это действие, а действие — это борьба. Как часто повторяет Беллинский эти любимые свои слова.

«Если люди не действуют, то чем же занимаются их существование? Только мечтами и рассуждениями», — отвечает Беллинский, «в наше время, — читаем мы в упомянутом обзоре, — особенно много людей мечтающих и рассуждающих, о которых, впрочем, не всегда можно сказать, что они были в то же время и мыслящими людьми. Не жуть, но мечтать и рассуждать о жизни — вот в чем заключается их жизнь!».

Вот почему тоскует великий критик о людях, которые восторженно живут, мыслят, действуют, а не только мечтают и рассуждают о жизни. Вот почему возмущает его с горечью: «Не жить живому — ужасно!».

Такие размышления высказывал у Беллинского в 1845 году.

«Ага! — говорит дошедший читатель. — Сейчас обязательно придется обзор литературы 1945 года, соблазнительные сравнения и т. д.».

Каково же изображение действительности, которое нам в голову. В день Нового года хорошо бы с томиком Беллинского побороть по садам современной словесности и помыслить, да сравнить век нынешний и век минувший. Мы не хотим ни забавлять, ни огорчать догадливого читателя. Не будем утомлять его длинным обзором, а вспомним лишь два знакомства с литературными героями, которые довели нас до этого истекшего года.

О том, как случились эти знакомства, пусть расскажут сами авторы.

Первая встреча с одним из героев произошла так:

«У открытой калитки школы стояла юноша в двухсторонней куртке технического училища, выдвигая на белую ластиковую рубашку с золочеными пуговицами по воротнику.»

Увидев застенчивую девочку и гнавшегося за ней крошечника, он посторонился и показал на калитку. Анючка сразбегла перескочила через порог во двор, а он сразу встал на прежнее место, загоражив собой калитку.

Парабукин задыхался, голова его дрожала, кудри переливались на солнце спутанным клоком выгоревшего сена, полнокорое бледное лицо лоснилось от пота.

— Пусти-ка ты, техник, — выдохнул он, протягивая руку, чтобы убраться с пути незнакомки.

Нельзя было в этот момент прогнуть нехитрую лямку — так жалел бы разгон, как хитро стремление Парабукина скандить почти наступившую и вдруг ускользнувшую девочку.

— Уборки зноят, — спокойно и неторопливо выговорил юноша.

— Ты кто такой?.. распоряжаться... — Я здесь живу... — А мне черт с тобой... где ты живешь... — Пошел с дороги... Это моя дочь... что ты ей прешься? — Все равно, кто. Во двор я тебя не пу-... Парабукин отставил назад ногу, залезнул рукав и замкнулся.

— Попрошу, — сказал юноша так же спокойно, только поестнее.

«Жесткость протупела во всем его крепком, уже по-мужски сложившемся теле. Он был невысок, даже приземист — из тех людей, которых зовут квадратными: угловато торчали его резкие плечи, круто выступали челюсти, прямые, параллельные линии волос на лбу, бровей, рта, подбородка будто вымерзали были рефлексом, и только взгляд, может быть, косящийся животинской костью, прогнул его горячий темной желтизной. Он не двинулся, уткнув кулаки в пояс, закрывая калитку распорхнувшими локтями, и в подождал, сухом его устном вышло было, что его не легко сдвинуть с места.

Парабукин опустил руку.

— Откуда ты такой, сатаненок? — С другим героем мы впервые встретились в таких обстоятельствах:

«Громидные гнетные кони, обуреваемые по выпотанному хлебу, среди людей и полова, вальсаясь на дыбы, хрюпа и брызгая пеной. Вдур с брички вывертели соколовый высокий, широкоплечий, светловолосый юноша, с непокрытой головой, и кинулся, казалось, под самых коней.

Уля не сразу сообразила, что произошло, но через мгновение она увидела меж конских голов с заметными гривами и оксаленными пастями его очень юное, свежее, сверкающее глазами, с выражением необычайного напряжения и силы, с платями румяными на щеках, скуластое лицо.

«Схватила сильной рукой одного хряпачею коня за вожжу у самых узд, юноша стоял между конем и дышло, больше напирая на коня, чтобы не был сшибленным дышлом. Юноца стоял, точно вкопанный, — рослый, аккуратный, в хорошо выглаженной серой паре с темнокрасным галстуком и выглаженным из карманчика пиджака белым костяным наконечником складной ручки. Другой рукой он поверх дышла пытался поймать за вожжу другого коня. Только по вздохушему под серым пиджаком бугру мускулов и по резко обозначившимся жилам у загорелой кисти руки, которой он держал коня, видно было, каких усилий это ему стоило.

— Тпру... тпру... — говорил он не очень громко, но повелеительно.

И в тот момент, как ему удалось схватить за вожжу другого коня, оба коня вдруг сразу примостились в его руках. Они еще встраивались в гривы, морды на него свержились, но он не отступал ни шагу, пока они вовсе не пришли.

Юноша выпустил вожжи из рук, и первое, что он сделал, как немалое удивление Уля, — он большими ладонями аккуратно приладил свои почти не распухшие, расчесанные на косой пробор светлорусые волосы. Потом он поднял на Улю свернутое мокрое от пота скуластое лицо мальчишки с большими глазами в длинных золотистых ресницах и широко, простоудно и весело улыбнулся.

Читатель уже вспомнил, что первое знакомство состоялось в романе Конст. Федина «Первые радости» в четвертом номере «Нового мира», а второе — в романе А. Фадеева «Молодая гвардия» во втором номере «Знамени». Затем мы весь год почти в каждой свежей книжке журнала встречались с нашим новым другом. Залета дыхание, следил мы за тем, как цветет их юность, как складывается характер молодых людей, как пробиваются в их душе первые ростки любви, как наливаются их мускулы, как зреет интеллект и как бросаются они в бурное море жизни. Вместе с ними радовались мы их немощными радостями, вместе с ними переживали их многие

горести. И хотя как будто мало счастливых дней выпало на их долю, мы можем сказать, что они были счастливы, ибо разве не высшее счастье человека жить так, чтобы не было стыдно за прожитый день и год, жить так, как мечтал неистовый Виссарион, — а действовали и борбе.

«В дни кипучей, полной силой юности, — писал Беллинский о литературных героях 1845 года, — когда надо жить, надо спешить жить, они вместо этого только рассуждают о жизни».

Кирилл Извеков и Федина и Олег Кошовой у Фадеева — литературные герои 1945 года — в дни кипучей, полной силой юности — не только живут, — они творят жизнь.

Уже в сценах первого знакомства, которые мы цитировали выше, как в зеркале, сказались некоторые черты нового характера.

Восемнадцатилетний ученик технического училища Кирилл Извеков преграждает путь дождю вождскому крошечнику. У калитки происходит поединок. Но это схватка, в которой победит не только тот, у кого больше физической силы. Это поединок воли. И невысокий, приземистый юноша выходит победителем. Громидная-волярь отсутствует.

Интересно, что Кирилл действует не из мальчишеской прихоти или озорства, им руководят высокие побуждения. Он обороняется, потому что спасает зажатый в ее руке платиник для ее голодной семьи. Нам кажется не случайным, что именно в таких обстоятельствах происходит наше первое знакомство с героем романа. При всей неясности и отвлеченности этих первоначальных характеристик, мы можем сразу признать в Извекове молодого человека, который будет не только рассуждать о жизни, а, вдохновенный благородными идеалами, будет делать ее.

Любопытно, что в школьных условиях происходит наше знакомство с героем Фадеева — Олегом Кошовым.

Семнадцатилетний советский школьник с большой отвагой и риском останавливает обуреваемых от божьих коней, которые могли принести бедствия находившимся поблизости людям. Он спасает девушку, которая сидела на телеге, запряженной вздыбившимися лошадыми.

Здесь то же проявление храбрости и силы, с тем же бескорыстием, что и у Извекова. Естественные силы молодого человека приумножены благодарством его порыва. Скромный поединок приобретает красоту. И здесь рисунок имеет только первоначальный характер. Но об Олеге Кошовом мы можем сказать, что и он не будет только рассуждать о жизни, что и он, верный родне и своему народу, будет творить жизнь.

Пока это еще как будто лишь отрывочная, брызжущая здоровьем юность. Но вскоре, обогащенная высоким гражданским паросом, эта юность скажет твердыми словами Извекова:

«Я выбрал дорогу и не сверну никуда. Все равно, сколько придется идти — девять лет или двадцать девять».

Об этой юности, воплощенной в молодом человеке советской эпохи, хорошо говорит Фадеев.

«Та исключительная жажда деятельности, желание прожить всего себя, желание вмешаться в жизнь людей, в их деятельность, с тем чтобы внести в нее что-то свое, более совершенное, быстрее обрабатывающееся и наполненное новым содержанием, эта еще не вполне осмысленная, но охватывающая все его существо и составляющая основу его натуры духовная сила овладела Оломом.»

Вмешательство в жизнь — девиз нового поколения героев. Ополотворенная верой и правдой своих идей, эта юность будет вмешиваться в жизнь для того, чтобы перестроить ее. Юность восторгается миром во всех его краях. Но наступает момент, когда превращение своего становится достоинством человека и свобода родины. Тогда на до-

сти и слова о спокойной жизни кажутся ей не свойственными. Но и такой тип людей мы иногда встречаем в колхозном селе, и автор тонко подметил эти противоречивые черты и образы.

Тяготение Марини к покою вызывает у «неспокойных людей» острое осуждение. Председатель сельсовета Ганна так отвечает Марине:

«Не только ты, Марина, год видела, а каждый из нас пережи горь и видел воюю смерть. Юности теперь никого не увидишь. Но кто смерть видел, тот жизнь ценит втройне. Ты покой ищешь, так знай — его не будет, ибо жить мы хотим так, как никогда. Слышишь, Марина, у Прокопа ноги нет, пуля в груди сидит, а спроси у него, что думает он...»

Прокоп отвечает Марине в другом месте пьесы, когда рассказывает о том, как ценит жизнь и думает о будущем.

«15-20 последующих лет я не променяю на годы, прожитые мною, другим моим и даже делом. Я вижу такое, Маринка, что в сто проходов Ганна, Василия у людей тыть не только мечта, но и твердая почва под ногами. Они убеждены в реальности своих планов, потому что опираются в жизни на советский колхозный строй.»

Интересен в пьесе иронически поданный автором образ Степана Груши, бывшего коноха, ныне — старшего сержанта. Возвратившись домой, он уклоняется от работы в колхозе, считая, что четвертьстое пребывание в армии, на фронте, да ему право ничего не делать. Он хочет, чтобы ему были созданы сразу же наилучшие условия жизни.

Волнующие каждого из нас мысли выражены драматургом не в действии, а преимущественно в разговорах. Конечность пьесы вытекает не из ситуации, а из несоответствия взглядами отдельных персонажей и взглядами передовых людей, взглядами народа.

А. Корнейчук показал живых людей: их мысли, слышны, чувствуется. Достоинство пьесы — интимная теплота в изображении положительных героев; их моральная победа над людьми отсталыми воспринимается не только как естественная закономерность, но как торжество справедливости.

В пьесе «Приезжайте в Звонковое» поставлено много вопросов, часть которых, конечно, решена слишком поспешно. В селе, например, возвращается старший лейтенант, бывший тракторист, женившийся на фронтной вдове. Любвиной его девушка спокойно мирится с этим фактом. Старший лейтенант стесняется этого фактора. С его же действия она никак не связана. Но этот впечатлительный человек, который не хочет становиться в позу беспристрастного регистратора отдельных неудач и промахов.

К вечеру мы вернулись к себе в отряд. Один из моих провожатых — Володя Зоболов с увеличением рассказывал радостке Аню Маленькой о приключениях последних двух дней.

— А помнишь, как ты приземлялся в Брянских лесах? — смеясь сказала Анючка.

Володя Зоболов нахмурился.

Забавный человек с чистой и застенчивой душой, с искаленным молодым телом.

Володя Зоболов — безрукый автоматик тринадцатой роты, а сейчас лихой разведчик.

Да, да, уважаемые граждане с руками и ногами! Солдат без обеих рук, и не какой-нибудь солдат, а лучший разведчик. Левая рука и часть бедра отрезана у локтя, правая — основанная ладонью ладоней и дождевой костей на две половины, лучком сужившейся кисти и кожей оттянута вокруг костей и образовывала что-то вроде клешни. Только страстной жажкой к жизни и деянию, молодого организм и мастерством хирурга человек спас себе подобие одной конечности — искаленной, безобразной, но живучей. Шевеля этими двумя кулачками, он питался, писал, мог свернуть пипириску и хорошо стрелял из пистолета. Ремешком автомата или винтовки обматывал вокруг шеи, и нажимая обезображенным комком мускулов на гашетку, стрелял метко и злобно. Все остальное делал той же кулачковой, нисла помогая себе зубами. И тихонько, про себя писал стихи. Странные и не особо талантливые, никому ненужные стихи. Их еще, часто забравшись куда-нибудь на ток в селе или уйдя от колонны на стоянке в гущу леса, громко декламировал мальчишеским грубоватым басом.

Уважаемые товарищи потомки!

Я так и не добился, где он потерял свои руки. Этого темы он не любил касаться, хотя мне и кажется, что я был в его жизни одним из самых близких людей.

— Было дело в молодости... — уклончиво отвечал он. Так же уклончиво он говорил о своих бесчисленных храбрых делах в отряде. Но о них мы узнавали от товарищей, видели их сами... — Знали мы лишь то, что было это в финляндскую войну, куда он пошел добровольцем... Струсил ли он, или был оставлен товарищами, или сам был виноват в чем-то, только о причине того, почему отрезаны были кисти рук у него отняли, он умалчивал. Я понял, что касаться этой темы ему больно и как будто стыдно... Один раз он все же разоткровенничался немного... — Три месяца лежал я в госпитале весь в бинтах и просил, чтобы меня застрелили. Просил сестер, раненых, врачей. Когда я сказал об этом профессору, он мне ответил: «Стыдитесь, молодой человек. Пока я делал вам эту сложную операцию, отнявшую у меня время... два часа времени хирурга на фронте, в приемной, не дожидаясь очереди, ждало два человека. Помнишь? Стыдитесь!».

«Зачем же вы делали это?» — спросил я. — «Я спас вам руку... вот это — большая палец, это указательный... и он показал мне пальцы на моей кулачке. Я задвигал ими, «пальцы» болели, но все же двигались... Зоболов говорил все это задумчиво, ровным голосом, что с ним было очень редко. Он помолчал немного, а потом продолжил: — Стал я тренировать «пальцы», чтобы суметь взять пистолет и... застрелиться. И когда я уже мог кое-что делать, я достал пистолет, но не адекватно... и понимаю, профессор, не мое морду и сказал, что я палец... Все дело охоты началось война... как теперь было бы уже смеяться стрелять... Как это сказано: — Прекратите, бросьте. — В своем уме ли? Дать, чтоб щеки запылали смертельными мел, — Вы же так любите загибать уметь.»

Володя Зоболов перед войной был студентом Московского университета. Говорят, что учился хорошо и талантливо... и вот война.

Я впервые познакомился с ним перед вылетом в тыл врага, когда проходил прелезовую разведывательную школу. Не же со мною проходил и Зоболов. Затем я очутился в Брянских лесах и познакомился с своим безруким товарищем, с которым всего на несколько недель свела меня военная сумасбродная судьба.

Пробы уже месяца полтора в партизанском крае и обжившись в нем, я однажды сладко спал на сеновале, километрах в четырехдцати от Брянска, вернувшись после полудня с яки с брянскими железнодорожниками. Разбудили меня вылезавшие бабы с голой спориной между собой... — А я тебе говорю, немец его сбросил. Я же сама парашот бачила. От и шворку себе отрезала. Из нее хорошие нитки... — Ну, сама подумай — зачем немцу яво сбрасывать... Зачем? — Шпильноты развезать... А потом он самометам зажалилка бросать будет, как у той безрукий вкажет. — А я тебе говорю, он Красной Армией спущен. — Ну и где ты видела в Красной Армии безрукий? Где? — Ну, не видела. А все равно то не германский самолет. Я же слыхла, как он гудел... Немешкий только угу, угу, угу, а гудит, жу... — Аг, много ты понимаешь в самолетах... Они так и не дали мне спить. Я слез с сеновала. Возле сарая сидели, освещенные утренним солнцем, две бабы. У обеих длинные драгуны за плечами с белыми самодельными ложами. Это была самооборона. Старшая держала в руках метров пал парашютной стропы, младшая, почти совсем подросток, из-под ладони шуряла, смотрела на дорогу.

Я спросил, о чем они спорят.

Перебивая друг друга, они рассказали мне, что километрах в пяти от нас, у партизанского села, ночью приземлились три неизвестных парашютиста. Один из них, молодой парнишка в шатском, опустился в лесу и чуть не утонул. Второй, оруженное сопротивление партизанам, а когда был взят, оказался человеком без обеих рук. Третий парашют найден в жите, а парашютист исчез.

— Безрукый? — спросил я. — А как звать его? — Ион не говорит. Ион только губы кусает. Я же говорю — их немец сбросил, зажалилками вызывать будет.

Я вспоминаю о Зоболове, вспоминаю, что отрядом, где приземлились неизвестные парашютисты, командовал милиционер, молодой парень лет тридцати, но уже с опытом. Он был в партизанском селе, ночью приземлились три неизвестных парашютиста. Один из них, молодой парнишка в шатском, опустился в лесу и чуть не утонул. Второй, оруженное сопротивление партизанам, а когда был взят, оказался человеком без обеих рук. Третий парашют найден в жите, а парашютист исчез.

— Безрукый? — спросил я. — А как звать его? — Ион не говорит. Ион только губы кусает. Я же говорю — их немец сбросил, зажалилками вызывать будет.

Я вспоминаю о Зоболове, вспоминаю, что отрядом, где приземлились неизвестные парашютисты, командовал милиционер, молодой парень лет тридцати, но уже с опытом. Он был в партизанском селе, ночью приземлились три неизвестных парашютиста. Один из них, молодой парнишка в шатском, опустился в лесу и чуть не утонул. Второй, оруженное сопротивление партизанам, а когда был взят, оказался человеком без обеих рук. Третий парашют найден в жите, а парашютист исчез.

— Безрукый? — спросил я. — А как звать его? — Ион не говорит. Ион только губы кусает. Я же говорю — их немец сбросил, зажалилками вызывать будет.

Герой Советского Союза генерал-майор П. ВЕРШИГОРА

Отрывок из второй части книги

Володя сразу присмирел. Он кинул косой взгляд на часового.

— Майор, скажи ты ей. Прямо по шею прикладом лунит.

Я только сейчас заметил плачевный вид Володи. На теле были ссадины, рубаха разорвана.

Я приказал бабе не прерывать прав караульного, а Володе не горячиться.

Разговор с командиром отряда был длинным. Он долго молчал, слушая мои объяснения, а затем вырвал из толстого грубоуха несколько листов и начал что-то писать. «Протокол» — прочитал я заглавие. Далее следовала обычная «шапка». Внизу на всю страницу он, долго пытаясь выложить вопрос, ответ, вопрос, ответ и, обобщив их по порядку, только тогда заговорил.

— Вопрос — подымаю на меня лицо, с которого гримом кати, начал командир: — Откуда вам известен этот человек и как давно вы с ним связаны? — Ответ мой, очевидно, был так выразителен, что не был записан, и протокол так и остался незаконченным.

Словом, я взял Володю на поруки.

История его неудачного приземления проста. Летчики просчитались и вместо района Вахмача вырвались его под Брянском. Бросили его под Вахмач потому, что там на разведывательную карту было белое пятно. А по этой причине не знали, что и там тоже действуют партизанские отряды. Отряды эти были «дикими», т. е. действовавшими на свой собственный риск и страх, не имея ни связи с Большой землей, ни полномочий, ни утвержденных инстанциями директив по случаю отсутствия инстанций. Единственной директивой им была речь товарища Сталина от 3 июля 1941 года. Как по магнитной стрелке, указывавшей путь кораблю, держали они курс на бесконечное истребление врага. Но, выбрасывая Зоболова в этой район, ему говорили, что никаких друзей, а тем более с оружием в руках, он не встретит. Вооруженными могли быть только немцы или полиция.

По ошибке летчика группа выбросилась в самую гущу партизанского края. Неудачливо, конечно, приземлившись в ветряном районе, где ждало большое количество людей. Зоболов решил, что попал в руки партизанки. Быстро отступив стропы, он отбежал в картофельное поле и залег. Партизанцы оценили белое пятно парашюта. Пока они возлились с ним, Зоболов успел отползти дальше. И ушел бы, если бы не те две бабы, что спорили утром. Они заметили его, ползком пробравшись к кустам. Володя окружили и стали кричать, предлагая сдаться.

Зная, что под «Вахмачем» никаких партизан нет и слыша русские окрики, парень решил, что попал в лапы полиции. «Все кончено», подумал он и, вырвав из гранаты кольцо, бросил ее себе под ноги. Партизанцы шарящими во все стороны, но граната не взорвалась. Очевидно, какой-то из «пальцев» на руке Зоболова, сместившейся рукой хирурга, все же действовало. Партизанки лежали жалая взрыва гранаты, но его не последовало. И лишь тут кто-то из них задумался в смысле фразы, которую выкрикнул парашютист, бросая гранату: — Знайте, сволочь полицейская, что советский разведчик живым не сдается. — Товарищ, если ты советский — тут свои, партизан, — закричали из картофеля. — Какие партизан? Обманом хотите взять? Врешь — не возьмешь, — кричал парашютист, готовив вторую гранату и зажав ее колы в зубы. — Партизан, ей богу, партизан. Емлютина отряд... — Не подходи. Еще шаг: себя подорву и вас уложу, — не сдавался разведчик. — Кое-как, всякими хитростями и уловками хлопцы подошли к Володе. Но для большей безопасности вырвали у него гранаты и другое оружие. Совсем сбив с толку, парень решил, что его все-таки ловко обманули, — бросился в драку. Он разбил голову лица двум партизанам, искусал третьего. Ему тоже насовали под мышки, связали и привели к штабу.

Мой приезд немного разрядил обстановку. Коллега Володи Миша, бесцветный и трусоватый парень, неизвестно зачем завербованный для дела, требующего недюжинных людей, сидел в сарае мокрый и ревел. Его полуживую выудили из реки мальчишки. Но где же третий? Володя сплевывая на третий был радистка Маруса Б., — черноватая смуглая дивчина, недавно кончившая школу радистов. Она приземлилась недалеко от него, но не успела убежать в рожь. Она слыхла звуки облавы «полицеев» на ее командира и, вероятно, успела забежать далеко. «Может быть, даже к немцам в руки», — подумал я.

— Как вы условились о сборе? — спросил я Зоболова.

— Если приземляюсь с комполтом, во что бы то ни стало перед вечером быть на месте посылки.

— Значит, Маруса сегодня к вечеру должна быть у мальчишек?

— Да, в этом районе, если не срефрит.

— Какие условные сигналы?

— Крик совы.

— Но ты же пойман немцами. Так она думает. Значит, и кричать не можешь, выманная ешь?

— Ну да... — Вот залачка... — Вот залачка... — Мы сидели и думали, как же вытащить Марусу из ржи. Ходить искать ее — это значит бежать еще дальше. Уместно радио, шифры и, не ориентируясь, обязательно понастреляется в драку. Или в лучшем случае застрелится сразу.

— И тут у меня мелькнула мысль: «Плесни, советская плесня».

Даже бесцветные глаза милиционера, бегущего, когда он понял, что я хочу сдаться.

— Собирай всех девчат. Пускай ходят по полю и поют советские песни. Милиционер зашевелился.

Я никогда не слышал, чтобы так пели девушки. Их голоса звенели, выводя: — Широка страна моя родная... — В другом конце поля отчаялись. Полями шуршали, лугами далекими — Лети, лети, плесня, плесня. С перекрестка дорог протяжным голосом раздавался: — А-у-у... Товарищ Катерина. Председательша вызывает... — И наконец: — Вот она, ваша радистка... — Ура... Маруса действительно выполняла. Она просидела целый день в ржи, а под вечер уснула. Пронюсав от песен и голосов, которые ей так ярко напоминали колхозные поля, Украину.

И Маруса вышла на голоса.

Стояла, окруженная девчатами, и ничего не понимая, смотрела на всех красными от слез глазами.

— Молока выпей, девочка, молока — говорила здоревная баба с винтовкой за плечами. — Ох, и зубастый у тебя командир! Выпей, выпей молока. Свое, наше — партизанское.

Зоболов после этого пристал ко мне. Со мной он пришел к Копкаву. Особенно полюбил Зоболова Руднев. Полюбил так, как может полюбить человек, знающий толк в людях.

Анютка Маленькая дружила с Володей. Довольно кипричная девочка, с Володей же у них установился трогательный-грубоватый тон... Когда Зоболов хандрил, его под-

ходила к нему и, заглядывая в глаза, говорила: — Не горюй.

В разведоте они жили немного обособленно. Этого требовала специфика работ. Анютка работала на своей ржи, связывая меня с фронтом. Недостатка в полевых данных о немцах у меня не было, и ей приходилось работать целый день. Они жили в отдельную хату — небольшой коллектив молодых людей. Володя Ланин, Анютка Маленькая и ее извозчик и ординарец Ярко из Галичичин, взятый мною в плен под Лопочем, Володя Зоболов, Вася Денин и недавно бежавший к нам из плена доносчик казак Саша Коженков.

— Не горюй, Володя, — все чаще говорила Анютка, даже когда в глазах его не было и тени грусти. А Зоболов, сядя за стол с дымящейся картошкой и нагибаясь ближе к тарелке, отвечал басом: — Повеселимся.

Это означало, что пора отделиться ужинать. Володя иногда подраивал радистку, вспоминая, как она хотела подстрелить меня во время нашей нашей засады, когда я мчался мимо нее на немецкой легковой машине.

— Повеселимся с нами, товарищ полковник! — сказали хором ребята отделения Ланина, уступая мне место за столом и давая ложку.

Это было вечером после поездки в отряд Бати.

Погода становилась все лучше, и мы иногда останавливались на дневные стоянки в селах, а в лесу. Как-то на дивке я бродил вокруг лагеря и вышел на небольшое лесную поляну на печаном бугре. В низинах еще держался снег, а на буграх уже было сухо, и кое-где проглядывала зеленая трава. Ваали, как плещный рой, гудел голосами лагеря, и приглушенные лесом песни были особенно стройны и печально-мелодичны. Я перешел на другую сторону поляны и звуки стали загнать. А затем слева от меня послышался треск сучьев и громкий голос Володы Зоболова. Он, как всегда, оставался надоевшим, читал стихи. Через несколько минут на поляну вышел Руднев. Он ходил некоторое время по полю неровной походкой, покрывая устопом, прилепленный голосом Зоболова, возвращался к нему. Володя не замечал его и, яростно жестикулируя своими кулачками, выкрикивал:

— Слушайте, товарищ потомки, агитатора, Горлана, гаваря... — О чем шумишь, ярый враг воле сырой? — спросил комиссар, подползая к нему. Зоболов улыбнулся.

— Да так, о жизни, товарищ комиссар... — А все-таки, Володя? — Зоболов недоверчиво посмотрел на Руднева.

— Как вы думаете, товарищ комиссар, сколько мужчин в Советском Союзе? — Много, Володя, много... — Я вот и думаю, что если бы каждый здоровый мужик уби одного немца... — Как, сразу, в один день? — засмеялся комиссар.

— Ну, не в один день, но все же в ближайшее время.

— А кто снаряды будет делать, патроны? — Володя молчал.

— Знаешь, дружище, французы подсчитали еще в прошлую войну, что для каждого солдата, лежащего в окопах, работают восемьдесят два человека.

— Восемьдесят два? — удивленно спросил безрукый солдат.

Комиссар сел рядом с ним и положил ему руку на колено.

— Так-то, брат. А мужик без пальто сто миллионов, отбрось стариков и детей, атем делающих снаряды и патроны... — Это я все понимаю, но все-таки, что было бы, если бы каждый здоровый мужик, ну, хотя бы из тех, кто не делает ни снарядов, ни патронов, убил бы одного немца? — Если бы каждый убил немца, война кончилась бы на другой же день.

— Вот видите.

Они помолчали. Затем Руднев смачнул набравшуюся тею слюной, а после для часто омывавшей его красивое лицо.

— Что легче, воевать или переживать войну в тылу? — Смотря кому... — Ну, допустим, человеку честному и не трусу... — Не знаю... — А мне кажется, во время войны для человека с чистой совестью самое легкое дело было на фронте... — Ну, да?.. А кто же будет Родину любить?.. — Криво усмехнулся Володя.

— Руднев, казалось, не слышая его и продолжал.

— От войны страдают больше всего: из вещей — стекла, из животных — лошади, а из людей — женщины и труженики тыла. Да, да, вот эти 82 человека, работающие на каждого из нас... — Ну, товарищ комиссар, всякие тыловые... Володя зашутел.

— Это верно, а вот мать, у которой троестрое детей голодают, а она с утра до ночи делает тебе патроны, хлеб, гимнастерку, — это герой, перед которым ты должен на колени стоять, Володя... И ничем, никаким своим военным героизмом ты не поднимешь выше ее... В чем наш военный подвиг? Научиться не бояться смерти, привыкнуть к мысли о том, что в любую минуту тебя могут убить, уметь перенести боль, боль ранения — вот ты и герой. Душа у тебя чиста. Ты воин — защитник Родины, на тебя вся страна смотрит, даже если ты добежал до Волги, все равно на тебя делают патроны, на тебя работают ученые, за тебя молится старуха... — Ничьи мне их молитвы... — Ничьи или нет, а это так... Эх, если бы можно было никогда не воевать, не содержать этих дорогостоящих армий и не тратить золота на награды героям... и чтобы самые храбрые люди были эпроны и миллионеры.

Володя угрюмо молчал.

— Или если бы можно было воевать без этого ущерба долга перед тылом, который все отдаст тебе, последний кусок хлеба, железа и тяжелого, измучительного труда. Не будь этого, я согласен воевать хоть всю жизнь... — Да, можно было бы воевать всю жизнь, если бы не это нежное чувство перед тем 82 человеками, за счет которых ты чувствуешь себя героем... Чувство долга и долга... — Как это долга и долга?.. — Ну, долга, винты, то есть, я все время как бы виноват перед ними, виноват как дармоед, выдумывающий себе шинель с блестящими пуговицами, вероятно, для того, чтобы ими прикрыть свою совесть... — Ви виноваты, товарищ комиссар. Семен Васильевич! Да бросьте вы меня разглагольствовать... У Володы на глазах бегали слезы.

— Нет, я не разглагольствую, Володя милый ты мой солдат... — тихо и печально сказал Руднев. Он стоял, опершись плечом о ствол старой сосны, перед измученным безруким автоматиком.

— Я так ошел в сторону. Было стыдно за мое небольшое разглагольствие, радостно, что я слышал этот разговор, больно, что не все кому довелось командовать жизнью людей на войне, были поданы Рудневу. И я подумал: «Вот какими должны быть те, у кого в руках тысячи человеческих жизней...».

Обложки новых книг, вышедших в Латвийской ССР. На снимке (слева направо): «Басин», Вилис Лайцис — «Рассказы», Я. Эренбург — «В фашистском звернице», Андрей Валодис — «В лучах борьбы и победы», сборник стихов — «Советской Латвии», Валдис Гревинш — «Интересный случай».

С. ШАХОВСКИЙ БОРЬБА ЗА НОВОЕ

В газете «Радянська Україна» опубликована комедия А. Корнейчука «Приезжайте в Звонковое».

Каждому должно стать наше будущее, к чему надо стремиться, как залечить раны, нанесенные нашей стране немецко-фашистскими захватчиками, — эти вопросы ставит драматург в новой пьесе.

Драматургу отвечают его герои — жители колхозного села, люди, немало пережившие за время Отечественной войны.

Немецкие захватчики уничтожили хозяйство колхоза, обожженные постройки, хаты. Но вот враг победен. Многие колхозники уже вернулись домой. Один с фронта, другие из эвакуации, кое-кто перебежавшее фашистское иго здесь же, в Звонковом.

На фронте на Звонковом ушли трактористы, конохи, пастухи и синарники, а возвратившиеся офицеры и сержанты, украшенные орденами и медалями. В селе вырос новый актив, преимущественно женщины.

В Звонковом, как и во многих селах Украины, люди решают вопрос, как жить дальше. Как отстроить село, какие строить дома коллективного и личного пользования.

Будущее колхозного села представляется разным героям по-разному.

Архитектор-художник Придорожный сверх меры влюблен в старину. Он убежден, что только древнее является понастошему национальным, красивым и удобным. Он дружит только со стариками, заставляя их рассказывать всякие были и легенды о предках, придерживается в быту старинных обрядов.

Свои убеждения и вкусы Придорожный хочет принести строителям Звонковом. Он рекомендует строить хаты только под стрехой, однокончатые, с маленькими окошками. Посреди села он предлагает выстроить церковь, вокруг нее насадить вешние сады, подсолнухи, поставить пасеку. Вместо того, чтобы строить кинотеатр, архитектор советует натянуть экран между старыми деревьями, на поляне под открытым небом развесить зритель.

Прошлое Украины безо всякого изъятия воспринимается как норма жизни нации, вознижается и восхваляется. Ветхое прошлое он утверждает в современной жизни.

Подобное тяготение к старине наблюдается сегодня на Украине и в некоторых литературоведческих кругах. «Архасты» с особым рвением высказывают из литературных архивов бездарнейшие произведения

реакционеров-дворян и ставят их в один ряд с классикой на том лишь основании, что произведение эти относятся к давнему прошлому. В пьесе, кроме архитектора Придорожного, выведен и другой любитель старины, поэт Гайовый.

Когда речь заходит о планировании будущей жизни, голоса архивистов становятся настойчивее. Но скажем прямо

